

¹⁴ Экономика Азербайджана выросла за год на 40% // РИА Новости // <http://www.rian.ru> // 30.09.2007.

¹⁵ См.: Мамедов С., Желенин А. Азербайджан увеличивает военные расходы // Независимая газ. 2007. № 136. 9 июня.

¹⁶ Ethnic Nationalism and Regional Conflicts: The Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by G.P. Holman. N.Y., 2005. P. 159.

¹⁷ Ibid. P. 73–174.

УДК 327.7(4+(470+571))

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: ОТ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ К ОБЩИМ ИНТЕРЕСАМ

Г.М. Михалева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
E-mail: galina2523@yandex.ru

История изменения отношений Европейского Союза и России в ходе российской трансформации – это путь, связанный с иллюзиями и заблуждениями, существенными расхождениями риторики и политической практики, периодическим возвращением к алгоритму отношений советских времен.

Тем не менее со времени начала перестройки и той и другой стороной все более ясно осознается взаимная зависимость. Как справедливо замечает Х. Тиммерманн, «как европейски ориентированный и готовый к сотрудничеству партнер, определяющий себя в европейских терминах, Россия может внести свой существенный вклад в создание стабильности и процветания на континенте. Но если властное большинство маргинализировано и не уверено в своих ориентациях, существует риск, что Россия может экспортировать нестабильность из Восточной Европы в Западную»¹.

На всех этапах российской трансформации в той или иной форме присутствовало европейское влияние, однако пока оно не привело к желаемому результату – превращению России в надежного и равноправного партнера ЕС.

The European Union and Russian Transformation

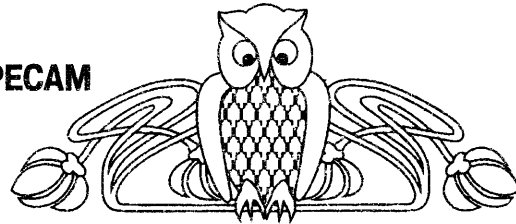
G.M. Mikhaleva

The history of changes in the relations between the European Union and Russia during the period of Russian transformation is a road full of illusions and errors, essential differences in rhetoric and political practice, repeatedly returning to the algorithms of relations as they were used during Soviet times and the Cold War on both sides.

Nevertheless, since the beginning of Perestroika both parts have begun to realize their mutual dependence more and more clearly. However, it obviously has not yet led to a desirable result: the transformation of Russia into a stable democracy with a market economy and a reliable and equal partner.

The potential of political steps on rapprochement of Russia and Europe is already exhausted, all possible declarations are made. The main argument is that while from the EU only innovations in foreign policy are required, Russia has a problem of radical changes inside the country for deepening these relations. These changes demand much more resources, efforts and time.

Рассмотрение взаимоотношений Европейского Союза и России, очевидно, необходимо начать с ограничения и анализа их целей. Для Европейского Союза приоритетными целями в 1990 гг.

и первой половине 2000-х гг. были укрепление демократии, интеграция России в единое экономическое и социальное пространство, сотрудничество, направленное на усиление стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами, реакция на общие «вызовы» на континенте (терроризм, миграция и т.д.).

Формулируемые в настоящее время программные цели имеют в среднесрочной перспективе, скорее, утопический характер: создание единого экономического пространства по типу ЕС, что предполагает не только свободный обмен капиталами, товарами и рабочей силой, но, что значительно важнее – выравнивание институциональных характеристик, включая правовые нормы и судебную практику.

Для России цели были связаны с экономической модернизацией страны и достижением конкурентоспособности на мировом рынке. Более того, отношение к глобализационным влияниям и Западу в целом носило невнятный и непоследовательный характер в сочетании с практикой использования любой западной финансовой поддержки.

Несмотря на декларативный выбор России в 1994 г. («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве») в пользу европеизации, Россия не собиралась, поскольку ее реальные интересы находились в сфере финансов, а не вопросов демократии, и не могла выполнять подписанные соглашения из-за несовершенства законодательной базы, а Запад этого и не требовал.

До последнего времени Россия предпочитала двусторонние соглашения, а после событий 11 сентября – политическую игру в треугольнике: Россия – США – ЕС. Для России важно было сохранить роль «мировой державы» (что позволяет ядерный потенциал, размеры территории и энергоресурсы) и соответственно членство в престижных международных организациях.

Запад в целом, как и ЕС, в 2000-е гг. преследует значимые и незначимые цели, настаивая на решении задач приоритетных (безопасность, энергетический сектор) или же локальных, но значимых вопросов (Калининградский транзит,

конфликты, касающиеся поставок сельхозпродукции из Польши), использовал демократическую риторику, ожидая в ответ того же самого.

Для включения в систему международных сетей «изоморфизма» норм и институтов (формальное наличие разделения властей, декларация принципов правового государства и прав человека) при наличии возможностей экономического взаимодействия и взаимодействия в сфере коллективной безопасности оказывается вполне достаточно, чтобы страна рассматривалась как полноправный международный партнер. Таким образом, наличие реально функционирующих демократических институтов играло второстепенную роль уже с самого начала взаимоотношений и отодвинулось на второй план в условиях усиливающейся энергозависимости.

Глобализационные процессы, включающие экономическую, военную, гуманитарную и социально-культурную составляющую представлялись западным акторам неким естественным процессом, требующим минимального регулирования. Они стремились заставить трансформирующиеся страны «хотеть того же», что и Запад. Эта тенденция усилилась после событий 11 сентября, активно использовались военные действия для включения Афганистана и Ирака в число стран, позволяющих осуществлять поставленные Западом, прежде всего, экономические цели.

Этим и объясняется форма и содержание европейского влияния на российские трансформационные процессы, используемая в них обеими сторонами риторика отличается от реальных целей и практических действий, которые также меняются со временем.

Последние тенденции в развитии российско-европейских отношений обусловлены изменениями российской внутренней и внешней политики с начала второго президентского срока Владимира Путина. Усиливающиеся авторитарные тенденции во внутренней политике и стремление России усилить влияние на постсоветском пространстве привели к «отрезвлению», переходу к прагматизму и усиливающейся критике внутрироссийских тенденций со стороны ЕС². Одновременно все громче с обеих сторон звучат голоса призывающих перейти от «политики общих ценностей» к «политике общих интересов», поэтому имеет смысл сосредоточиться на базовых документах и этапах взаимоотношений России и ЕС.

В советский период отношения Европейского Союза и СССР с переменным успехом развивались в двух сферах: торговой и международной безопасности.

Первые решения, связанные с готовностью финансово поддерживать трансформацию в России, были приняты по инициативе ФРГ в 1990 г. В результате договоренностей ЕС и США задачу формулирования требований к России было решено переложить на Мировой валютный фонд (МВФ) и Мировой банк.

В рамках «вашингтонского консенсуса»³ были разработаны направления поддержки всех трансформирующихся стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран без учета специфики России. Идеология «вашингтонского консенсуса» была идеологией политического слома социализма для трансформации экономики. Основные направления поддержки всех трансформирующихся стран были определены как налоговая дисциплина, минимизация общественных выплат, налоговая реформа, оптимизация и либерализация потоков капиталов и товаров.

Главной задачей помощи в трансформации была либерализация экономики, которая позволила бы посредством рыночных реформ сделать экономические институты соответствующими западному рынку и открыть закрытые социализмом географические зоны для западных товаров и инвестиций, одновременно обеспечив экономический рост в этих странах. Это был механизм, неоднократно апробированный в Латинской Америке. Существование новых глобальных правил, охраняющих интересы капитала от возможных рисков за пределами безопасных границ, были основой выбранной стратегии. Как и при предыдущей волне трансформации, критические экономические решения диктовались не предпочтениями большинства избирателей внутри страны, а технократическими элитами в ВМФ, Всемирном банке и Всемирной торговой организации (ВТО)⁴.

После решений Большой семерки ЕС в 1990 г. в Риме принял программу технической помощи, которая должна была содействовать советской трансформации. Первая программа ТАСИС (программа технического содействия странам СНГ) стартовала в 1991 г. Цель была определена как «переход к рыночной экономике»⁵ со следующими основными направлениями:

- подготовка менеджеров для общественного и частного сектора;
- финансовая помощь;
- сотрудничество в области энергетики и транспорта;
- продовольственная помощь.

В целом отношения с Россией были основаны на подписанном еще с СССР в 1989 г. соглашении о торговле и сотрудничестве. Лишь в 1992 г. председатель Еврокомиссии Ж. Делор предложил заключить новое соглашение – уже с Российской Федерацией. Концепция, учитывающая глубокие изменения политической и экономической системы, не говоря уже о распаде СССР, отсутствовала. Предполагалось, что «рынок урегулирует все», тем самым поддерживался ельцинский курс рыночных реформ.

После распада СССР и демократических деклараций Россия уже не представляла военной опасности, а экономические трансформации являлись выполнением главных задач, связанных с ее включением в систему мировой торговли.

Российские руководители в этот период неоднократно заявляли о желании России вступить в ЕС⁶. При всей противоречивости внешнеполитического курса России в этот период, политика, проводимая Б.Н. Ельциным, связанная с большим объемом западных займов, с одной стороны, и подавлением оппозиции, использующей национал-патриотическую и коммунистическую риторику – с другой, вполне устраивала западных партнеров.

В России не могло произойти и «импортирование» западных правовых норм⁷ на начальном этапе демократизации⁸. Политические конфликты, связанные с завоеванием власти Ельциным, выглядели как «конституционное» противостояние, поэтому прямое вмешательство западных экспертов в разработку базовых норм государственного права на этом этапе вряд ли было возможно.

Разгром оппозиции в 1993 г. и институциональное закрепление победы Ельцина сначала никак не повлияло на практику взаимодействия ЕС и России. Принятие Конституции, закрепляющей доминирование полномочий президента, несмотря на некоторую критику со стороны западной общественности и научных кругов, воспринималось как создание базы для политической стабильности и, следовательно, возможности расширения контактов с Россией.

Следующим этапом развития отношений России и ЕС стал период президентства Б.Н. Ельцина – 1993–1999 гг.

Только в 1994 г. между Российской Федерацией и ЕС было подписано «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве». В ходе переговоров о соглашении выявились различные приоритеты сторон, однако в текст были включены требования для РФ соблюдать нормы ОБСЕ. В дипломатических кругах этот документ считается основополагающим в российско-европейском диалоге, так как он достаточно прагматичен, потому что Россия сделала выбор в пользу Европы, а Европа не отвергла стремление России участвовать в европейских процессах⁹.

Главная идея этого соглашения заключалась в создании «необходимых условий для будущего укрепления зоны свободного рынка». При разработке программ взаимодействия игнорировались российские внутренние конфликты, поэтому война в Чечне стала неприятным сюрпризом для западных политических кругов. В связи с началом первой войны в Чечне в 1994 г. вступление в силу соглашения было отложено, отношения между ЕС и РФ вошли в фазу недоверия и взаимных претензий. Россия игнорировала позицию ЕС по Чечне, а документы по расширению ЕС принимались без учета российских интересов.

В это время было заключено временное соглашение, не требующее ратификации, что позволило продолжить работу европейских донорских программ, включая ТАСИС. С 1991 до 1997 г. Россия получила в рамках ТАСИС 2,3 млрд евро¹⁰.

После окончания боевых действий в Чечне, в ходе президентской кампании 1996 г. и достижения неформального согласия по вопросу расширения НАТО, решения о вступлении России в Совет Европы в 1997 г. смогло вступить в силу и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Новый алгоритм сотрудничества предполагал отказ от вашингтонского консенсуса, расширение политического взаимодействия и переход к концепции партнерских отношений. Однако это соглашение не предусматривало механизмов его реализации, поэтому решения о поддержке тех или иных шагов России принимались руководством ЕС в рамках ТАСИС и часто напрямую не были связаны с основными декларируемыми целями ЕС и России, в отличие, например, от программы ФАРЕ (программа ЕС «Польша и Венгрия: помощь в реструктуризации экономики») для стран-кандидатов на вступление в ЕС, которая предполагала набор ясных и измеряемых критериев. Таким образом, страны, стремившиеся вступить в ЕС, полностью принимали навязываемые им правила игры и получали в обмен на это существенную экономическую помощь¹¹. В отношении России, конечно, такие требования не могли быть выдвинуты, поэтому алгоритм взаимодействия был другим.

Подписание СПС было системной ошибкой, во всяком случае со стороны ЕС: оно задумывалось как инструмент квазиинтеграционного объединения ЕС и России, однако вопрос вступления России в ЕС в практической плоскости никогда не рассматривался. Российские экономические реформы осуществлялись в несоответствующей европейской модели направлении. Принятые политические институты predetermined быстрый переход к авторитарной модели¹², а во внешней политике все чаще стали проявляться неоимпериалистические тенденции.

Таким образом, соглашение реализовывалось в качестве регулярного политического диалога и культурного сотрудничества. Все остальные положения остаются невыполненными¹³. До 1999 г. финансировались прежде всего направления, связанные с созданием рыночной инфраструктуры, и действующие в сфере экономики коллективные и индивидуальные экономические акторы. Программы ЕС были направлены на более эффективное ведение бизнеса в рамках логики «экономического глобализма».

С 1996 по 1999 г. ТАСИС выделил 2 224 млн евро на поддержку российских проектов, связанных с политическим консультированием, охраной окружающей среды и ядерной безопасностью. По сравнению с периодом 1991–93 гг. несколько сократилась поддержка проектов, связанных с приватизацией.

Финансовый кризис 1998 г. негативно сказался на экспортных потоках и инвестициях в Россию, однако не оказал существенного влияния

на формулирование ЕС целей и задач отношений с Россией. В это время Комитет постоянных представителей ЕС подготовил доклад о результатах, достигнутых в формулировании всесторонней политики по отношению к России, в котором учитывались и последствия финансового кризиса для ЕС. Основным выводом доклада – проблемы России многогранны, поэтому такой же должна быть и стратегия ЕС. Тем самым был оставлен без ответа вопрос о том, каким образом необходимо взаимодействовать с Россией.

Неадекватная оценка происходящего в России как перехода к демократии привела к тому, что за весь ельцинский период в стратегических документах ЕС задачи демократизации не ставились. Запад исходил из представления, что в России укрепляют демократические институты, а программы, направленные на «выравнивание» экономических условий, создают базу для этого. Внутророссийские конфликты не воспринимались как дефекты системы, а лишь как отклонения от общего направления трансформации к рыночной экономике и демократии.

Сравнение с социалистическим Советским Союзом было в пользу России, так как прямая военная угроза Западу исключена, но есть возможность ответить на глобальные вызовы, которые затрагивали Россию так же, как и Запад¹⁴. На первом плане стояла задача влияния на российскую трансформацию с целью создания договороспособного партнера в экономической, экологической областях, сферах ядерной безопасности и борьбы с международной преступностью.

Следующим периодом взаимодействия России и ЕС стало время президентства В.В. Путина. Важнейшими факторами изменения европейской политики по отношению к нашей стране были:

- изменение конфигурации сил в мире и создание антитеррористической коалиции;
- принятие в ЕС новых стран-членов;
- увеличение энергозависимости от России;
- осознание угроз, связанных с сочетанием свертывания демократических институтов в России, военных конфликтов и терроризма;
- признанием приоритета стабильности над демократическими ценностями в российских условиях;
- увеличение числа дипломатических кризисов, связанных с разным пониманием руководителями различных европейских стран роли России.

Практически до начала второго президентского срока Владимира Путина сохраняется риторика «равноправного партнерства».

В 1999 г. ЕС был принят документ «*Общая стратегия ЕС для России*», определяющий совместную внешнюю политику и политику безопасности. Россия, как и США, участвовали в разработке его концепции. Однако общий документ не был опубликован, вместо этого российское правительство приняло документ «*Стратегия развития отношений Российской Федерации с*

Европейским Союзом на среднесрочную перспективу» (2000–2010 гг.).

Сравнение этих документов приводит к выводу об асимметричном партнерстве, так как наличествует расхождение целей партнеров и нехватка взаимопонимания¹⁵. Постановка нереализуемых задач в стратегических программах ЕС связана, по мнению российских исследователей, с отсутствием подлинной заинтересованности Евросоюза в полноценном партнерстве.

В документе ЕС как стратегическая цель обозначено достижение стабильности и (впервые в такой ясной и отчетливой форме) демократии, правового государства и социальной рыночной экономики в России. В концепции документа ЕС заложено представление о том, что российская трансформация – длительный процесс, который может быть реализован при широкой поддержке и партнерстве во всех областях: политической, экономической, институциональной и культурной.

Направленность российского документа совершенно иная. «Основными целями стратегии являются обеспечение национальных интересов и повышение роли и авторитета России в Европе и мире путем создания надежной общеевропейской системы коллективной безопасности, привлечение хозяйственного потенциала и управленческого опыта Европейского Союза для содействия развитию социально ориентированной рыночной экономики России, базирующейся на принципах справедливой конкуренции, и дальнейшее строительство демократического правового государства. При этом в переходный период реформ в определенных секторах экономики остается оправданной защита отечественного производства с учетом международного права и опыта»¹⁶. Преамбула этого документа – единственное место, где используется термин «демократическое правовое государство». Содержание же определяется представлением, что, «как мировая держава, расположенная на двух континентах, Россия должна сохранять свободу определения и проведения своей внутренней и внешней политики, свой статус и преимущества евроазиатского государства и крупнейшей страны СНГ, независимость позиций и деятельности в международных организациях»¹⁷.

В документе при этом подчеркивается, что Россия должна стремиться к максимальному получению выгод от расширения ЕС, а развитие партнерства с Европейским Союзом должно содействовать укреплению России в качестве ведущей силы формирования новых политических и экономических отношений в СНГ.

Вторая война в Чечне вновь вызвала критику со стороны ЕС. В 1999 г. Европейский Совет принял «Заявление по Чечне», в связи с которым было принято решение пересмотреть концепцию сотрудничества с РФ и приостановить программу ТАСИС. Впервые ЕС решил применить средства

экономического давления для влияния на политический курс страны. Изменений не должны были претерпеть только проекты, связанные с правами человека, правовым государством, поддержкой гражданского общества и поддержанием ядерной безопасности. Но бойкот практически не был реализован.

Задачи, поставленные в европейском документе, в значительной их части не были решены из-за логических противоречий и несогласованности документа с другими, включая ТАСИС¹⁸.

В 2000 г. начался энергетический диалог, и была подписана декларация о сотрудничестве по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В марте 2001 г. Россия впервые участвовала в саммите ЕС, при этом обсуждались вопросы демпинга и энергетических поставок в Европу, а также конфликты на Балканах и в Чечне. В мае 2003 г. ЕС и РФ договорились ежегодно заседавший Совет по сотрудничеству заменить постоянно действующим партнерским советом, который должен определять поля совместных интересов и ресурсы для их реализации с обеих сторон.

Декларируемые задачи эффективного партнерства практически не могут быть реализованы. Существуют как объективные, так и субъективные препятствия для этого. Объективными являются различия в политических системах и сложности институционального выравнивания, субъективными – различия в понимании «партнерства». РФ видит в ЕС партнера, способствующего модернизации экономики. Евросоюз в последних документах связывает изменения в экономике с требованиями демократизации. Авторитарные тенденции в РФ противоречат обязательствам уже подписанных и реализуемых соглашений.

Политика ЕС в отношении России попала в западню: содержание политики изменилось в процессе реализации, хотя название и терминология документа сохранились¹⁹. При этом наблюдатели отмечают «глубоко нестратегический характер общих стратегий» ЕС, касающихся не только России, но и других регионов и стран, трудности формулирования ясных приоритетов и единой политики по отношению к ним²⁰.

Различия в стратегических документах и реальных целях существенно различаются, однако сохраняется риторика «партнерства». Эта диффузия правительственных и бизнес-практик имеет, естественно, свои пределы, реальные политические практики и складывающиеся правила взаимодействия политических и экономических акторов позволяют только частично использовать предлагаемые Россией «импортные» нормы и институты. Они используются во внешнем взаимодействии – в контактах с зарубежными партнерами, экономическими или политическими, но «поворота» во внутреннюю политику не происходит. Требования «демократизации» остаются лишь риторической фигурой.

Как пример «саморазвивающихся стратегий», все дальше уходящих от действительности, стоит упомянуть и концепцию *Общего европейского экономического пространства*, главный элемент которого – постепенное снятие экономических барьеров²¹. А в 2003 г. в ходе Санкт-Петербургского саммита была провозглашена идея построения четырех пространств: экономического, внешней безопасности и правосудия, науки и образования, включая культурные аспекты. Эти задачи выглядели на фоне происходящего в России не всегда логично.

На практике приоритетными могут быть следующие направления сотрудничества России и Европы, в которых практически заинтересованы обе стороны, – энергетический диалог, институциональное выравнивание условий экономического взаимодействия и поддержание безопасности.

По мнению Х. Хуккала, если сравнивать два направления ведения переговоров о едином экономическом и социальном пространстве, составными частями которых являются энергетический диалог и создание европейского общезаконодательного пространства, то энергетический диалог был более конкретным и более успешным²². При этом оба направления основаны на «Соглашении о партнерстве и сотрудничестве» и направлены на гармонизацию экономик и сближение нормативно-законодательных баз. Парадокс заключается в том, что главную роль в этом процессе играет вовсе не ЕС, а перспектива вступления России в ВТО. Без этого шага дискуссии о едином экономическом пространстве остаются беспочвенными, но для вступления в ВТО необходимо не только существенно пересмотреть российское законодательство, изменив около тысячи законов и нормативных актов²³, но и смириться со значимыми экономическими потерями.

В мае 2004 г. были достигнуты договоренности, завершающие двусторонние переговоры по доступу на рынки – еще один этап подготовки России к вступлению в ВТО. Россия взяла на себя обязательства по повышению тарифов на энергоносители, включая в цену прибыль и инвестиции, необходимые для разведки новых месторождений. На этой же встрече была продемонстрирована готовность решать вопросы по отмене визового режима²⁴. Однако по-прежнему вступление в ВТО отодвигается, сейчас, в начале 2008 года, уже – на 2009 год.

Европа зависит и еще длительное время останется зависимой от российских поставок нефти, газа и электроэнергии, поэтому заинтересована в стабильных отношениях и длительных контрактах. При этом акцент в энергопотреблении смещается от угля и нефти к газу, а мировая экономика в эпоху глобализации требует все больше энергоресурсов. За последнее десятилетие потребление газа в Европе выросло на 20%, а к 2020 г. импорт газа в ЕС возрастет по оценкам экспертов, с 200 млрд кубометров до 500 млрд.

Сейчас 2/3 российского газа и половина нефти течет в Европу. Но эти отрасли нуждаются в инвестициях, а западные фирмы, работавшие в этой области, сталкивались с существенными проблемами. Стабилизация ситуации в этой области должна стать предметом «энергетического диалога», инициированного Еврокомиссией в 2000 г. Главная задача в этой области – переход России к европейским правилам и стандартам, включая правовые нормы, предусматривающие ее вступление в энергетическую хартию²⁵. Это условие больших инвестиций, необходимых для строительства транспортной инфраструктуры – новых газопроводов – кроме того, необходима либерализация газового рынка и свобода доступа разных компаний к системе газопроводов. Но все это не устраивает «Газпром», на который приходится более 40% суммарного импорта природного газа в Европу²⁶, поэтому столь важный для Европы, да и для России энергетический диалог продвигается столь медленно²⁷.

Одно из самых значимых направлений европейской «Стратегии ...» – сотрудничество, направленное на укрепление *стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами* не определяло, какую конкретно роль должна играть Россия в этом процессе. По мнению Х. Тиммерманна, сложности, возникающие у России с ЕС, связаны со слишком большой плотностью отношений и необходимостью долгосрочного планирования. Сравнительная «простота» отношений с США – с упором на узкую сферу борьбы с терроризмом и международную безопасность²⁸.

Отношения России с ЕС и США после 11 сентября 2001 г. – это интенсивный диалог. При этом Россия предпочитала иметь дело не со структурами ЕС, а с отдельными странами, особенно в связи с разногласиями по поводу войны в Ираке, провозглашения суверенитета Косово и размещение баз ПРО вблизи российских границ. Здесь мы также сталкиваемся с различным видением своей роли в обеспечении безопасности: для Европы важно, чтобы Россия стала фактором «прочного мира на континенте», другими словами, чтобы она перестала быть угрозой. Россия же стремится усилить свои позиции в качестве международного актора и участвовать в принятии решений, включая право вето на силовые операции.

Для ЕС развитие сотрудничества с Россией – это, в первую очередь, и вопрос в определенной степени собственной безопасности, уменьшения риска экологических и ядерных катастроф, борьбы с международной организованной преступностью. Но и для России такое сотрудничество представляет стратегический интерес. Особенно интенсивно развивается эта работа в приграничных областях, и здесь нередко используются стратегии, отличные от провозглашаемых центром²⁹. Наблюдатели отмечают слабую координированность и сильную бюрократизацию при реализации этих программ. Усложняет ситуацию включенность в

эту программу множества негосударственных и субрегиональных акторов³⁰.

С мая 2004 г., когда в ЕС вступили 10 новых стран, а затем к ним присоединились еще две, возникла новая ситуация. Во-первых, обострились проблемы, с которыми сталкивался ЕС в связи с чрезвычайным многообразием стран-участниц и существенно различающимся уровнем их экономического развития³¹. Во-вторых, усложнились механизмы принятия решений в самом Евросоюзе. Наконец, из-за удлинения границы и вступления в ЕС бывших республик СССР возникла совершенно новая геополитическая ситуация. Страны, ранее ориентировавшиеся на Россию, из-за введения визового режима и изменения условий торговли сейчас ориентированы на участниц ЕС и, более того, именно новые члены ЕС выступают в качестве самых жестких критиков России и инициаторов конкретных санкций.

Основные препятствия на пути партнерства России и ЕС, провозглашаемого во всех документах, связаны с изменением международной политической ситуации в целом. Во-первых, возникли сложности во взаимодействии с исламским миром, включающим отношение к мусульманам, проживающим в Европе, и стремление Турции вступить в ЕС. Во-вторых, это практическая реализация задач борьбы с терроризмом. Наконец, это вопросы, связанные с последствиями расширения ЕС на Восток. Экономическое сотрудничество России с ЕС, по мнению экспертов, сейчас достигло предела³², и переговоры о вступлении России в ВТО и энергетический диалог пока развиваются очень медленно, а без решения этих вопросов расширение экономического сотрудничества вряд ли возможно.

Политический диалог строился до середины второго президентского срока Владимира Путина, исходя из «презумпции демократических деклараций» России. Затем критические голоса в отношении внутреннего развития России стали звучать все чаще, в связи с делом ЮКОСА, убийством Анны Политковской, новым законом о некоммерческих организациях, разгонами маршей несогласных, «газовой войной» с Украиной, размещением системы ПРО вблизи границ России и, наконец, признанием суверенитета Косово практически под протекторатом ЕС. Пик критики, связанной с дефицитом демократии, уже не только со стороны оппозиции и СМИ, но и со стороны глав государств пришелся на думские и президентские выборы 2007–2008 гг. Они были оценены представителями ПАСЕ как недемократические. Именно в этот период Россия в лице вновь избранного президента Дмитрия Медведева меняет риторику, по видимости, реагируя на западную критику.

Резко критическое отношение к требованиям документов ЕС, связанных с дефицитом демократии, военными действиями в Чечне и т.д., вызывает скептическое отношение к доку-

ментам и программам ЕС в России: «У Европы нет потребности в каком-либо “российском выборе”». Поэтому считаться там с Россией будут в той мере, в какой ее «европейский выбор» будет не императивом, а одним из направлений активности»³³.

Потенциал политических шагов по сближению России и Европы уже исчерпан, все возможные заявления и со стороны ЕС, и со стороны России сделаны, однако совершить практические шаги оказалось значительно сложнее.

Проблемы отношений Европы и России – в асимметрии величины и ресурсов партнеров. Но главное – другое, в то время как от ЕС требуются только новации во внешней политике, перед Россией стоит задача радикальных изменений внутри страны для углубления этих отношений, что требует гораздо больших ресурсов и усилий³⁴.

Очевидно, что усиливающаяся озабоченность ЕС связана с пониманием, что российская трансформация не была демократизацией, однако стратегические задачи Европы и ЕС могут решаться и во взаимодействии со стабильным авторитарным государством. Именно поэтому все слышнее становятся призывы к прагматизму и «горизонтальной интеграции». В этой ситуации отношения России и ЕС должны определяться прагматизмом и новым реализмом. Оба партнера не должны выдвигать нереалистичные требования друг к другу, но должны стараться искать возможности преодоления пропасти между риторикой и реальностью. ЕС должен видеть себя как партнер и, если необходимо, как противовес, если Россия дома и за рубежом будет ориентироваться на разрыв с европейскими ценностями или интересами, как, например, в Чечне. Надо признать, что возможности влияния ЕС на развитие в России ограничены³⁵.

Реальная политика (*realpolitik*) – доминирующая сейчас линия в отношениях России и ЕС, которой предпочитают придерживаться обе стороны, эта политика обусловлена взаимной зависимостью в сфере энергетики, где сотрудничество расширяется. Но она зависит от ситуаций и личных договоренностей, а не принципов. Именно поэтому вопросы поставок газа на Украину или сельхозпродукции из Польши становятся главным предметом дискуссий и камнем преткновения для дальнейшего развития отношений.

Долгосрочная стратегия, основанная на согласованных принципах в отношениях России и Европейского Союза, несмотря на огромное количество подписанных бумаг и существование различного рода общих переговорных площадок, по-прежнему отсутствует. Поскольку, что это надгосударственное образование играет все большую роль в Европе, новому руководству России неизбежно придется решать эту проблему в ближайшем будущем.

Примечания

- ¹ *Timmermann H.* From Visions to Actions. The Future of EU-Russian Cooperation // Policy Paper. 2004. № 22. P. 2.
- ² См.: *Бордачев Т.* Россия и Европейский Союз: конец и новое начало: Брифинг Московского Фонда Карнеги, октябрь 2004 г., М., 2004. Вып. 10; *Timmermann H.* Op. cit.
- ³ «Вашингтонский консенсус» – тип макроэкономической политики, которую ряд экономистов рекомендуют применять в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис.
- ⁴ *Скидмор Д.* Перспективы глобализма: три возможных будущих для Европы и мира // Европа: Журн. польского института международных дел. 2003. № 1. С. 36–37.
- ⁵ *An Evaluation of the Tacis Programme in Russia.* Brussel, 1991. P. 15.
- ⁶ См.: *Худолей К.* Отношения России и Европейского Союза // Россия и Европейский Союз. Переосмысливая стратегию отношений / Под ред. А. Мошеса. М., 2003. С. 19.
- ⁷ Об «импорте правовых норм» см. работы Георга Бруннера, например: *Brunner G.* Die neue Verfassung der Republik Ungarn // Jahrbuch für Politik. 1991. № 1. P. 297–319; *Verfassungs- und Vwerwaltungsrecht der Staaten Osteuropas.* Bonn, 1995.
- ⁸ *Merkel W.* Systemtransformation. Opladen, 1999. P. 141.
- ⁹ Дипломатический вестник. 1994. № 15–16. С. 29–59; *Тарасов И.* Россия и страны Восточной Европы в процессе континентальной интеграции // Власть. 2004. № 7. С. 56–63.
- ¹⁰ Для сравнения: за этот же период – от МВФ было получено 18 миллиардов долларов.
- ¹¹ *Бордачев Т.* В объятиях civilian power // Pro et contra. Т. 8, № 1. Зима 2003. С. 54.
- ¹² Там же. С. 2.
- ¹³ *Борко Ю.* Европейскому Союзу и России необходимо соглашение о стратегическом партнерстве. М., 2004. С. 14.
- ¹⁴ *Эрхард Х-Г.* Становление политики безопасности Европейского Союза // Internationaler Politik. 2004. № 3. Май–июнь С. 35.
- ¹⁵ См.: *Кандель П.* С Европой – по-европейски! // Власть. 2004. № 2. С. 66–67.
- ¹⁶ <http://www.delrus.cec.eu.int/ru/index.htm>
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *De Spigeleir S.* The Implementation of the EU's Common Strategy on Russia // Learning the Grammar of the CFSP / Ed. H. Haukkala, S. Medvedev. Helsinki; Berlin, 2001.
- ¹⁹ См.: *Хауккала Х.* Положительные аспекты реализации общей стратегии ЕС по России. // Переосмысливая стратегию отношений / Под ред. А. Мошеса. М., 2003. С. 36–37.
- ²⁰ *Spencer C.* The EU and Common Strategies: The Revealing Case of the Mediteranian // Europaeen Foreign Affers Rev. 2001. Vol. 6 (1). P. 31–51; 38–39; *Sasse G.* The EU Common Strategie on Ukrainc: A Response to Ukraine's

- Pro-European Choice // The EU & Ukraine: Neighbours, Friends, Partners? Ed. A. Lewis. L., 2002; Haukkala H. The Making of the European Unions's Strategy on Russia // Ed. H. Haukkala, S. Medvedev. Learning the Grammar of the CFSP. Helsinki; Berlin, 2001.
- ²⁴ См.: Гутник В. От партнерства к ассоциации? // Pro et Contra. 2003. Т. 8. Зима. С. 7–24.
- ²² Локкала У. Указ. соч. С. 51.
- ²³ Prikhodko S., Pachomov V. Problems and Prospects of Russia's Accession to WTO // Russian-European Centre for Economic Policy. 2001. Sept. P. 13.
- ²⁴ Степанов А. Вектор сближения // Европа. 2004. № 6. С. 34.
- ²⁵ См.: Pinder J. The Union's Economic Politics toward Russia // The EU & Russia: The Promise of Partnership. Ed. J. Pinder, Ju. Shishov. L., 2002. P. 19–20.
- ²⁶ Шевелькова О. Энергетический диалог: переход в конструктивную фазу // Европа. 2003. № 35. С. 11.
- ²⁷ См.: Лукьянов Ф. Во имя общего будущего // Европа. 2003. № 5. С. 5–10.
- ²⁸ Timmermann H. From Visions ... P. 95.
- ²⁹ Averre D. Transborder security and regionalism / Ed. D. Heró, A. Aldis. Russian Region and Regionalism. Strength through weakness. L., 2003. P. 63–81.
- ³⁰ Stalvani C-E. The Northern Dimension: A Policy in Need of an Institution // The Baltic Area Studies. 2001. № 1.
- ³¹ См.: Тарасов И. Россия и страны Восточной Европы в процессе континентальной интеграции // Власть. 2004. № 7. С. 56–63.
- ³² Худолей К. Указ. соч. С. 24.
- ³³ Кандель П. Указ. соч. С. 6.
- ³⁴ Timmermann H. Op. cit. P. 110.
- ³⁵ Ibid. P. 11.

Слово молодым политологам

УДК 37.013.78

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.А. Самсонова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: samsonova.elena@gmail.com

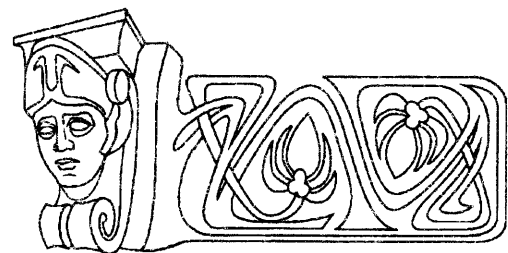
В статье обоснована актуальность исследования ценностных ориентаций современной российской молодежи, оформившихся в результате кардинального реформирования общества в 1990-е гг. и являющихся основой «поколенческого разрыва». Осуществлен анализ методов исследования структуры ценностей современной российской молодежи, наиболее эффективным среди которых является факторный анализ или «метод главных компонент».

Methods of Russian Young People's Value Orientations Research

Е.А. Samsonova

The author of the article proves the topicality of appealing to the research of Russian present-day young people's value orientations that were shaped as a result of the fundamental reforms that took place in the 90s of the last century and provided a basis for «the generation gap». The analysis of Russian present-day young people's value orientations research methods has been put into practice, Factor Analysis or Principal Components Analysis method is thought to be one of the most effective among others.

«Конфликт отцов и детей», «поколенческий разрыв», «мировоззренческий раскол между возрастными группами» – в таких терминах определяется один из наиболее универсальных социаль-

ных конфликтов, устойчиво воспроизводящийся во все времена и во всех обществах. Основу конфликтов этого вида составляют индивидуальные и групповые различия в убеждениях, установках, представлениях молодежи и старших возрастных групп. Обострению поколенческих конфликтов способствуют радикальное изменение социально-политических условий, политические катаклизмы, порождающие различия в политических позициях, целях и ценностях. Радикальные преобразования нарушают преемственность поколений, культур, процесс социализации, определяющий формат ценностей и их трансляцию.

Основу поколенческого разрыва составляет разрыв ценностных ориентаций различных поколений. Чем они существеннее, тем острее разногласия, идейное противостояние, взаимная критика, неприятие и враждебность поколений. Ценностные различия в наибольшей степени проявляются именно в возрастных группах. Исследовательскими центрами устойчиво фиксируются полюсы ценностей, связанные с возрастным критерием «молодежь – старшее поколение». Люди же среднего возраста по одним параметрам тяготеют к молодежи, по другим – к людям старшего возраста¹.